

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(2): 190-201

DOI: 10.13187/rs.2018.2.190
www.ejournal15.com

Women's Camp in the Steppe as the Soviet Experiment in Kazakhstan

Arailym S. Mussagaliyeva ^{a, *}, Roza M. Mussabekova ^a, Ulbolsyn M. Sandybayeva ^a

^a Eurasian National University named after L.N. Gumilev, Kazakhstan

Abstract

The article deals with the phenomenon of “women's camp” as a Soviet experiment in Kazakhstan on the example of the camp “ALZHIR” (the Akmola camp of the wives of the traitors). In the official documents, it was designated as ITL “R-N° 17” of the Karaganda correctional labor camp, which was a part of the Soviet GULAG. In this camp sat the wives of intellectuals, state and party leaders who were repressed during the “great terror” in 1937–1938. The article uses previously unknown regional archival materials, in particular, the documents of the State Archive of Akmola Region, the State Archive of Astana, as well as the district archives of Akmola region. The authors of the article found materials about one of the prisoners, whose name was later included in the “Wall of Memory” at the “ALZHIR” Museum of Political Repression. Through the memories and interviews of the prisoners of the camp “ALZHIR” the daily life and economical structure of the camp and the idea of the economical feasibility for the Soviet state were studied. Attention is paid to the use of professional experience and knowledge of women professionals, their contribution to the development of the region. Along with this, the first meeting of the former prisoners of the camp and their children was presented in 1989, in the day of the opening of the memorial to “ALZHIR” on the site of the former camp. Special attention is paid to the memoirs of the two chiefs of the camp, their assessment of the camp life, as well as the memories of the prisoners. The presented actors of memory, who were not victims, namely the wardens, demonstrate the concept of H. Arendt “banality of evil”. Today, “ALZHIR” has become a place of cultural trauma for Kazakhstan, and the Museum and memorial complex established on place of the camp, become a place of memory of the dramatic events of the Soviet past, the anti-human Soviet experiment in the steppe.

Keywords: ALZHIR, women's camp, prisoners, Akmolinsk, repression, women, archival documents, Soviet.

1. Введение

В середине XX в.в связи с гуманитарными катастрофами появился термин «преступления против человечества». К такой катастрофе можно отнести феномен женских лагерей в истории Советского государства. Глобальная память сегодня тяготеет к образам вины и несправедливости, и актуальным становится осмысление темы страдания и насилия. Между тем, тема женских лагерей до сих пор исследована в незначительной степени. Заметим, что о существовании подобных лагерей многие исследователи советского периода даже и не знали. Поэтому необходимо объективно исследовать все имеющиеся

* Corresponding author

E-mail addresses: arai0410@mail.ru (A.S. Mussagaliyeva)

свидетельства о трагических событиях недавнего прошлого и «быть внимательными к тому, чтобы вновь не оказались актуализированными практики тотального уничтожения» (Подорога, 2013: 174).

Тема женских лагерей в степях Казахстана, безусловно, связана с травматической памятью. Исследовательское поле травмы (Trauma Studies) многообразно. Это идеи, связанные с психоанализом, темой невыразимости и глобализации травмы, понимания социальных последствий тоталитаризма.

2. Материалы и методы

Обращаясь к теме женских лагерей в степях Казахстана в преддверии столетней годовщины установления большевистской власти, мы опирались на региональные архивные материалы, ранее не известные. В частности, это документы Государственного архива Акмолинской области (ГААО), Государственного архива города Астаны (ГАГА), а также районных архивов. Через воспоминания, интервью узниц лагеря «АЛЖИР» в статье воспроизводится повседневная жизнь и хозяйственный уклад лагеря, обосновывается идея его экономической целесообразности для Советского государства. Наряду с воспоминаниями узниц использовались и воспоминания начальников лагеря.

Источники по истории Акмолинского лагеря «жен изменников Родины» еще полностью не выявлены. Архив Карлага – Карагандинский филиал Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан – еще не рассекречен и многие документы до сих пор недоступны. Поэтому, труды по истории «АЛЖИРа» еще будут написаны. Всего в Акмолинском лагере жен «изменников Родины» между 1938–1953 гг. были заключены 18 тыс. женщин. Конечно, не в одно время, а за весь период, кто-то уходил, кого-то переводили в другие лагеря. Все это, конечно же, не в одно время – кто-то уходил, кого-то переводили в другие лагеря. В 2003 г. международное общество «Мемориал» опубликовало список из 8 тыс. женщин – заключенных Акмолинского и других отделений Карлага» в книге «Узницы «АЛЖИРа» (Узницы «АЛЖИРа», 2003). По информации музея политических репрессий «АЛЖИР» в Астане, с 2007 г. были дополнительно выявлены 50 имен узниц и внесены в список «Стены памяти» при музее. Поэтому работа по выявлению имен узниц должна найти свое продолжение.

Отметим, что авторами данной статьи в 2013 г. были обнаружены материалы об одной из узниц «АЛЖИРа». Это Ильясова Муслима, 1910 г.р., уроженка г. Петропавловска (все документы узницы М. Ильясовой были переданы ее дочерью в музей политических репрессий «АЛЖИР»). Она была женой Анаса Ильясова, директора Петропавловского педтехникума, которого арестовали 26 декабря 1937 г. Приговор был вынесен 9 марта 1938 г. на закрытом судебном заседании, в г. Алма-Ате. Его приговорили к расстрелу с конфискацией личного имущества в соответствии со статьями 58-2, 58-7, 58-8 и 58-11 Уголовного Кодекса (Каталог, 2012). В связи с арестом А. Ильясова, его жену Муслиму, учительницу средней школы № 1 г. Петропавловска, арестовали 6 марта 1938 г. На заседании Особого совещания при НКВД СССР 10 июня 1938 г. ее как «члена семьи изменника Родины» отправили в лагерь в Акмолинск, сроком на пять лет (Каталог, 2012). Но она сидела в тюрьме до конца войны, была реабилитирована только в 1957 г. Дочери – Ильясова Лайла, 1932 г.р., Ильясова Галия, 1936 г.р. – были отправлены в детские дома. Лайла умерла в 1939 г., Галия – в 1946 г. В 2013 г. Муслиму Ильясову как узницу Акмолинского лагеря жен «изменников Родины» представили на «Стене Памяти» при музее политических репрессий «АЛЖИР». Это – конкретный пример того, как обнаруживаются новые жертвы репрессий, и как они включаются в мемориальные практики. Собственно, «Стена Памяти» сама становится «местом памяти» в терминологии французского исследователя П. Нора (Нора, 1999).

Материалами для исследования послужили не только документы из региональных архивов, некоторые из которых впервые введены в оборот, но и мемуары, художественные произведения, интервью, фильмы. Репрезентация травм памяти в пространстве культуры в методологическом плане – очень важный аспект. Это сложная проблема взаимоотношения истории и памяти, эмоционального и рационального осмысления драматических событий. Поэтому наряду с принципами историзма и системности, использовался междисциплинарный подход. Считаем обоснованным и применение концепции

тоталитаризма к исследованию определенного периода истории СССР. На основании изученных источников женский лагерь в степи «АЛЖИР» рассматривается как советский эксперимент в Казахстане.

Тема женских лагерей была рассмотрена в знаменитой книге А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». В книге есть слова врача-гинеколога Н.И. Зубова о влиянии тюрем на психологию женщин: статистически женщина быстрее и ярче мужчины реагирует на арест и главный его результат – потерю семьи (Солженицын, 1991: 432). В начале 1990-х гг. были изданы документальные рассказы «О чем не говорили», посвященные истории политических репрессий. Среди них статья журналиста Виктора Дика «Карлаг. История и судьбы» (Дик, 1990: 84–97). Он первый назвал имена начальников «АЛЖИРа» и осужденных женщин. Но, как писал автор, тогда «к архивным документам, хранящимся в УВД¹ Карагандинской области, не удалось подойти на пушечный выстрел», и существовала «опасность, что по случайному недомыслию личные дела бывших карлаговцев могут исчезнуть в пламени костра». В 1997 г. вышла книга Д.А. и С.Ш. Шаймухановых (Шаймуханов, Шаймуханова, 1997: 175), посвященная истории Карагандинского исправительно-трудового лагеря (далее – Карлаг) и «АЛЖИРа». В 2001 г. историк А.Р. Кукушкина защитила диссертацию об «АЛЖИРе» и на ее основе монографию (Кукушкина, 2002). Автор рассматривает создание системы исправительно-трудовых лагерей как следствие тоталитарного режима, особенности функционирования «АЛЖИРа», но не раскрывает историю трудпоселка № 26.

3. Обсуждение и результаты

Женский лагерь в степи: предыстория.

С 1931 г. стал формироваться Карлаг в составе ГУЛАГа СССР. Основной хозяйственный массив Карлага находился на территории Карагандинской и Акмолинской областей (Шаймуханов, 1997: 175). Наряду с этим, Акмолинская область стала превращаться с 1930-х гг. в место пребывания спецпереселенцев. Здесь создавались трудовые поселки для расселения спецпереселенцев, представителей депортированных народов. Они располагались вблизи действующих предприятий. В Целиноградском районе Акмолинской области в 1930-х гг. было создано 7 трудовых поселков («точек»), в первое время не имевших названий, а только порядковые номера: №№ 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32 (Акмолинская область, 1996: 5). 7 трудпоселков находились в Акмолинской области, остальные 25 – на территории Карагандинской области. Если в Караганде трудпоселки строились рядом с шахтами, то в Акмолинской области они создавались в основном для освоения сельскохозяйственных земель.

Бывший руководитель лагеря «АЛЖИР» М. Юзипенко пишет: «Так и получилось, села-поселения, как их называли, “точки”, находились в окружении населенных пунктов, где жили и свободные граждане, местные жители, а также отнесенные к разряду “подноменклатурных спецпереселенцев”, а также промышленные стройки, где они работали. Например, все дети из семей репрессированных, содержащихся на 26-ой точке, т[ак] н[азываемого] “АЛЖИР”, были приписаны к школе нынешней Новоишимки (29 точка) и там сдавали все государственные экзамены» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 51. Л. 3). В воспоминаниях спецпереселенки Р.А. Костюковой-Чеховской, сохранившихся в ГААО, есть следующая запись: «Между нашим колхозом и Акмолинском были поселок № 26, где была зона заключенных, огромная, затем № 27, № 29, Муртук, с[ело] Максимовка, с[ело] Семеновка, район у нас был в поселке № 29, там было НКВД, средняя школа, между трудпоселком № 29–30 была река Ишим. Мы ходили в школу после 7 классов на 29 поселок. За поселком № 30 был поселок № 31, 32 и точки 10, 11, 12, там жили поляки» (ГААО. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 14. Л. 4).

В результате Целиноградский район Акмолинской области еще в 1930-е гг. превратился в отделение Карагандинского исправительно-трудового лагеря. На пустых местах строили здания для жилья, служебные помещения, завозили туда людей, технику, оборудование, материалы. Каждое сельскохозяйственное отделение (совхоз) на отведенном участке осваивало целину, заседало большие площади зерновыми культурами (пшеницей,

¹ УВД – Управление внутренних дел.

ячменем, овсом, рожью, крупяным просом), разводило породистый скот. При центральных усадьбах создавали плотины, около них поливной огород площадью в 150–200 га, на котором выращивали картофель и все овощные культуры (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 51. Л. 3).

В 1933 г. в 35 км к юго-западу от города Акмолы на берегу озера Жаланашкол был создан овцеводческий колхоз № 26 (ГАЦР. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 1). Здесь также проживали в основном спецпереселенцы, которые строили трудпоселок. Овцеводческий колхоз постепенно превратился в трудпоселок спецпереселенцев. Во второй половине 1930-х гг. расположенный в селе Малиновка трудовой поселок № 26 стал центром Акмолинского отделения Карагандинского лагеря, являвшегося крупным производителем сельскохозяйственной продукции. Посев велся только сортовыми семенами, скот был только улучшенной породы. По разрешению вышестоящей инстанции отделение Карлага свой породистый скот обменивало на местные породы скота в некоторых колхозах и совхозах Акмолинской области (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 7).

Открытие лагеря. На основании приказа НКВД СССР № 00 758 от 3 декабря 1937 г. и приказа по Управлению Карлага НКВД № 0043 от 16 декабря 1937 г. на базе 26-го поселка трудпоселений было образовано Акмолинское спецотделение Карлага НКВД (Кукушкина, 2003: 184). По воспоминаниям бывшего начальника Акмолинского специального отделения Карлага М.Т. Юзипенко, Акмолинское отделение (26-я «точка») находилось в 40 км от города Акмолинска по направлению к Кургальджино, до лагеря там уже существовал спецпоселок, жители которого были переселены в другие места (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 7).

Акмолинский лагерь «жен изменников Родины» был самым крупным и известным сталинским лагерем в Северном Казахстане. В этом лагере находились жены представителей интеллигенции, государственных и партийных деятелей, которые были репрессированы в годы «Большого террора» в 1937–1938 гг. Юридической основой репрессий стал оперативный приказ народного комиссара внутренних дел № 00486 от 15 августа 1937 г. В нем говорилось: «...с получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников Родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категориям, начиная с 1 августа 1936 года» (Сборник, 1993: 117). Данный приказ надолго определил дальнейшую судьбу жен и детей репрессированных.

Почему местом расположения Акмолинского лагеря «жен изменников Родины» было выбрано село Малиновка? Во-первых, совхоз № 26 был расположен близко к городу Акмолинску, вдоль линии железной дороги Караганда – Акмола – Петропавловск. Во-вторых, трудпоселок № 26 был самой дальней и наиболее развитой частью Акмолинского отделения Карлага. Он находился вблизи озера Жаланашколи и реки Ишим, что способствовало развитию полеводства и скотоводства. В-третьих, женщин удобно было держать подальше от всех. Поэтому длительное время родственники и близкие не знали о месте расположения женского лагеря.

«АЛЖИР» нередко также называют «точкой» № 26. Юридически Акмолинский лагерь «жен изменников Родины» являлся исправительно-трудовым лагерем (далее – ИТЛ) № Р-17. Карагандинского ИТЛ. Об этом написано в книге «Узницы АЛЖИРа»: «Акмолинское отделение в самом конце 1939 г. вошло окончательно в Карлаг (до того оно входило в структуру Карлага формально, в основном подчиняясь непосредственно ГУЛАГу) и было переименовано в 17-е отделение Карлага» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 7). В биографических справках узников «АЛЖИРа» написано: «заключенные ИТЛ-17 (АЛЖИР)».

Фактически спецотделение в Акмолинске, входившее в структуру Карагандинского ИТЛ, открылось уже в начале 1938 г. С 10 января сюда стали приходить этапы. Акмолинское спецотделение быстро заполнялось, и уже через полгода руководство Карлага было вынуждено временно распределять очередные этапы осужденных женщин по другим лаготделениям. В конце 1939 г. Акмолинское спецпоселение окончательно вошло в Карлаг (Узницы «АЛЖИРа», 2003: 26–27). Александр Бредихин, бывший комендант спецпоселка, был назначен начальником вновь возникшего Акмолинского отделения Карлага (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 7).

Бывшая узница Мариам Анцис в своих воспоминаниях так описала первый день пребывания в лагере: «Наступил первый день жизни в лагере. Трескучий мороз,

окаменевшие сугробы снега у бараков подсказывали, что первое спасение – раздобыть топливо. Это оказалось не так уж проблематично. На расстоянии одного километра находилось озеро Жаланаш, которое очень щедро сберегло запас камыша – единственный вид топлива в казахстанской степи. По распоряжению старост (таких же заключенных, как и мы), выстроились в колонны по 200 человек и направились, вооруженные серпами и лопатами, к озеру. Разбившись на бригады по 10 человек, получили задание – срезать камыш у корней и вязать по 40 снопов» (Малиновские вехи, 2003: 9). Еще одна бывшая узница «АЛЖИРа» Галина Колдомасова вспоминала: «В 26[-й] точке Акмолинского отделения Карлага, куда нас привезли, полтора года мы жили без права переписки. В лагерь мы приехали в начале мая. На пустыре стояли бараки на 300 человек каждый. Посередине бараков тянулись сплошные нары, один этаж над другим. В этом городке за колючей проволокой с четырьмя вышками по углам жили одни лишь «жены» – ведь это был «АЛЖИР». Он стоял на берегу большого озера, куда зимой мы ходили резать камыш, им отапливались бараки» (Узницы «АЛЖИРа», 2003: 22). Такие воспоминания можно встретить у всех узниц. Они изготавливали из камышей топливо и строили саманные дома.

Хозяйство лагеря. 1 января 1939 г. начальником лагеря стал С. Баринов. В интервью с журналистом Е. Кузнецовой он описывает лагерь таким образом: «Земельная площадь, принадлежащая отделению, составляла из 30 тысяч гектаров. Из них более 10 тысяч занято под пашню. Все производили сами, все продукты. Было большое хозяйство. Урожай собирали по нарядам Карлага и отправляли в Акмолинск сортовое зерно. Порядок был такой: элитное – для Акмолинска, он пользовался им для нужд колхозов и совхозов, а с нами расплачивался кормом для скота. Остальное оставляли себе. Все производили для себя сами: пекли, сажали, выращивали, готовили. И всем этим снабжали население – ведь вокруг-то люди жили. В отделении был большой огород – сажали картофель, капусту, морковь. Был большой фруктовый сад. Все угодья расположены на высокогорье между Нурой и Ишимом, вода была в дефиците, надо было до нее сорок метров бурить, чтобы добраться» (Кузнецова, 2001: 82–83).

Акмолинский лагерь имел юридический статус как административно-хозяйственная единица, соответственно, имелось штатное расписание работников аппарата по каждой части службы, расчетный счет в Акмолинском госбанке. Военизированная охрана находилась в подчинении начальника лагеря (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 7). В 1939 г. лагерь перевели на хозрасчет, женщины стали работать сами. К этому времени здесь уже были построены руками узниц скотоводческие базы: молочные, коневодческие, свиноводческие фермы (ГАГА. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 14. Л. 4).

20 августа 1939 г. управление Карлага издало приказ, в котором говорилось: «Специалистов, осужденных до 5 лет, использовать по специальности, а осужденных больше 5 лет использовать только в общей охраняемой работе» (Кукушкина, 2003: 15). Об этом пишет в своих воспоминаниях Галина Степанова-Ключникова: «Ближе к весне по баракам пошли со списками. Выявляли нужных лагерю специалистов-строителей, сметчиков, агрономов, врачей. Так было сформировано наше конструкторское бюро “Шарашка”. Нашему маленькому бюро предстояло запроектировать для лагеря швейную фабрику, кирпичный завод, электростанцию, котельную, баню, столовую с кухней и кинотеатр для вольнонаемных вне зоны лагеря. Начальницей конструкторского бюро была назначена Амалия Георгиевна Микаэлян-Кечек» (Степанова-Ключникова, 2003: 38). Тяжело приходилось женщинам с гуманитарным, музыкальным и другим не нужным лагерю образованием. Они месили голыми ногами глину с соломой, набивали этой массой деревянные формы, надрываясь, тащили их и вытряхивали сырые саманы на площадку для просушки. Из подсушенных саманов другие женщины – каменщики клали стены. Слабые женщины по 12–14 часов в день таскали двадцатикилограммовые саманы, поднимали их на подмости, укладывали в стены, другие женщины работали в поле. Как пишет Г. Колдомасова: «Я попала в бригаду саманщиц. Мы делали саманы – большие кирпичи из глины, соломы и навоза. Утром, выходя за зону, я радовалась, что работа поможет отвлечься от горя, и мои страдания теперь как-то переносятся в среде таких же женщин, как я» (Малиновские вехи, 2003: 19).

В Акмолинском женском лагере было много специалистов – плановиков, бухгалтеров, агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, медицинских врачей, инженеров,

строителей и других специальностей. Старшим агрономом была назначена А.А. Зайцева – прекрасный организатор и знающий специалист. Она сумела подобрать себе помощников и вместе с ними развернула огромную работу. Была создана опытная станция, на полях которой велась серьезная научная работа. Впоследствии за работу против эрозии почв в институте зернового хозяйства А. Зайцева, совместно с коллективом ученых во главе с директором института А. Бараевым, получила Ленинскую премию. А работу по борьбе с эрозией она начала еще в лагере. Вместе с освоением новых земель развивалось овощеводство. Построили парники, теплицы, выращивали морковь, свеклу, капусту (Малиновские вехи, 2003: 11).

После С. Барина начальником «АЛЖИРа» был М. Юзипенко. По его воспоминаниям, в 1939 г. Акмолинский лагерь выглядел так: «В связи с собравшимся большим людским контингентом для использования его в трудовом процессе специально был создан совхоз, в котором посевная площадь была 10 тысяч га только зерновых культур – пшеницы. Был и поливной огород – 210 га, на котором выращивались картофель, капуста, свекла, морковь, огурцы, помидоры, лук, бахчевые. Имелись две молочные фермы, около пятисот голов крупного рогатого скота, такое же количество лошадей. Кроме сельского хозяйства в лагере была организована швейно-вышивальная фабрика, где работало около 3 тысяч женщин. Все технологическое руководство, как в сельском хозяйстве, так и в швейно-вышивальном производстве осуществляли женщины-специалисты с большим опытом работы» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 52. Л. 4).

Для развития хозяйственной деятельности Акмолинскому отделению был выделен достаточный участок земельных угодий в сторону колхоза Ново-Ишимка (в западном направлении), протяженностью до 40 км. На этой территории было создано два сельхозучастка совхозов, на которых, для постоянного там содержания поголовья скота и проживания обслуживающего персонала из заключенных, были построены базы и жилые здания. На каждом участке содержалось поголовье крупного рогатого скота около 500 голов. В основном молочные коровы и молодняк (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 8). На этих участках засевали пшеницу, ячмень, овес, просо, в первые годы в пределах до 500 га. В последующие годы посевная площадь увеличивалась до 10 000 га. Кроме полеводства и животноводства в отделении был поливной огород более 200 га, на котором производилась посадка всех видов овощных культур: картофель, морковь, свекла, капуста, помидоры, огурцы, бахчевые. Впоследствии был заложен фруктовый сад – 25 га (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 51. Л. 2). Узница «АЛЖИРа» Н.Б. Воронкова-Богданец вспоминала: «Узницы, набрав несколько человек, попросились работать на кухню. Это случилось сразу по прибытию в лагерь. В это время в лагерной кухне работали уголовницы, готовившие такую пищу, что даже очень голодные были не в состоянии ею питаться. На инициативу начальник лагеря ответил согласием (ГАГА. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 3. Л. 8).

Для использования всего контингента решено было организовать швейную фабрику и вышивальное производство, где было занято более 2 тыс. человек. Швейная фабрика выполняла заказы на давальческом сырье¹ крупных организаций. Вышивальное производство изготовляло продукцию из сырья Наркомата торговли Казахской ССР, по его нарядам и указанию продукция отправлялась в другие области Казахстана. В период военного времени швейная фабрика выполняла заказы по пошиву обмундирования для военных ведомств. Для этого лагерь имел наряды и получал мануфактуру по нарядам из Иваново, Тейково, меланжевых комбинатов Барнаула, Ташкента (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 9). Об этом в воспоминаниях написала Г. Степнова-Ключникова: «Из малосильных, больных и старых был организован вышивальный цех. По рисункам художницы Ксении Шуко, родственницы известного архитектора, с раннего утра до позднего вечера, теряя зрение, вышивали “алжирки” – тончайшие купоны блузок, украинских сорочек, роскошные скатерти, салфетки. После войны я еще долго встречала в художественных салонах Москвы изделия, выполненные по знакомым рисункам 26 точки Карлага» (Степнова-Ключникова, 2003: 39). Н.Б. Воронкова-Богданец вспоминала: «Стала работать швейная фабрика. Работа в вышивальном цехе, рассчитанная на ослабленных женщин, оказалась непосильной, нормы

¹ Давальческое сырье предоставлялось заказчиком продукции непосредственно или по договору с третьей стороной изготовителю. Использовалось для контроля качества продукции.

выработки были очень высоки, ни одна ослабленная узница не была в состоянии выполнить их, а ведь от выработки зависел паек. Чтобы хоть как-то выжить, женщины, стремясь выполнить нормы, теряли зрение» (ГАГА. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 3. Л. 5). Директором швейной фабрики стала узница Мариям Лазаревна Анцис. О ней есть сведения в воспоминаниях Сауле Кожахметовой, дочери одной из узниц Гульбайрам Кожахметовой (Малиновские вехи, 2003: 10).

Акмолинское отделение Карлага стало крупным производителем сельскохозяйственной продукции в Акмолинской области (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 9). «АЛЖИР» расширялся, охватывая новые отрасли. Издалека были видны цветущие поля, окаймленные со всех сторон деревьями (Малиновские вехи, 2003: 11). Со дня своего основания «АЛЖИР» стал организацией, существование которой было выгодно для государства. Во-первых, заключенные женщины использовались как бесплатная рабочая сила. На их существование государство не тратило денег. Во-вторых, все опыты по скотоводству и полеводству проводили специалисты этого лагеря. Среди лагерного контингента было много женщин с высшим образованием, которые свои теоретические изыскания претворяли в жизнь на практике. Хозяйственной деятельностью руководили репрессированные женщины с большим опытом.

Актеры террора и заключенные: до и после лагеря. Чтобы понять феномен лагерей, должны быть представлены разные акторы памяти. Поэтому мы обратились к воспоминаниям начальников Акмолинского лагеря С.В. Баринова и М.Т. Юзипенко, а также воспоминаниям о них. Так, режиссер фильма «Изменницы» Евгения Головня в интервью газете «Великая эпоха» 5 ноября 2011 г. вспоминала о Баринове: «В 1990 г., когда мы со съемочной группой приехали на “26 точку Карлага” в поселок Долинку, я нашла его в полуразрушенном саманном домике, где он жил со своей женой. Он рассказал, что выполнял приказ как военнообязанный. “Меня поставили начальником лагеря, я работал. Когда я увидел этот муравейник из женщин, у меня волосы дыбом встали. А что делать? Вот и начал работать”» (Ким, 2011: 2–3). В интервью Головня также рассказала, что поехала к супругам Бариновым вместе с бывшей узницей «АЛЖИРа» Оксаной Козьминой, которая обнялась с бывшим начальником лагеря. Г. Степанова-Ключникова вспоминала: «Ждали весны, ждали прихода начальника лагеря Баринова и его заместителя Мишина. Когда он появился, женщины бросились к нему, прося, умоляя, требуя сообщить, где находятся их дети, что случилось с оставленными, часто грудными, детьми, больными родителями. Он оправдывался незнанием и раздавал листки бумаги для заявлений. И мы писали, вопили о справедливости. Адресовали их в Прокуратуру СССР, Калинин, Сталину и бог весть» (Степанова-Ключникова, 2003: 63).

Больше известно о М.Т. Юзипенко, который был начальником «АЛЖИРА» в 1940–1941-е гг. и заместителем начальника в 1941–1943 гг. (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–2). Позже он был персональным пенсионером республиканского значения. М.Т. Юзипенко сам просился на место начальника, а потом заместителя начальника лагеря «АЛЖИР». По его воспоминаниям, работать там было хорошо, отделение было далеко от управления Карлага, существовало самостоятельно. Но когда он перешел на должность заместителя, начались проблемы с начальством. Хотя они с Бариновым вначале сработались, позже тот отправил его обратно в Караганду (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 9). М. Юзипенко описывает «АЛЖИР» следующим образом: «Несмотря на режимное положение, Акмолинский лагерь – “АЛЖИР” – жил нормальной жизнью, как обычный населенный пункт. Жилье было барачного типа, с двухъярусными койками, печным отоплением» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 50. Л. 6–7). Образ М. Юзипенко – яркий пример человека, служившего тоталитарному режиму.

В 1988 г. появились первые публикации по истории Карагандинского ИТЛ. 2 июня 1988 г. в газете «Ленинская смена» вышла статья В.В. Комарова «Правда АЛЖИРа» (Комаров, 1988: 2). В ней были представлены мнения узниц З. Тналиной и И. Шубриковой о М. Юзипенко. Эти узницы сообщили, что Юзипенко направил женщинам письма с просьбой написать о нем положительные отзывы. Он хотел себя таким образом реабилитировать. 10 июня Юзипенко написал жалобу редактору газеты «Казахстанская правда» Ф. Игнатьеву с просьбой поручить Комарову срочно дать официальное опровержение, в противном случае обещал обратиться на него в суд за оскорбление чести и достоинства ветерана партии, труда

и комсомола (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 70. Л. 15). М. Юзипенко также написал письма партийным организациям Казахстана.

Среди публикаций, вышедших в период перестройки и гласности в 1988–1989 гг., выделялась статья В. Дика, опубликованная в «Казахстанской правде» и вызвавшая большой общественный резонанс (Дик, 1988). После ее выхода Юзипенко 10 августа 1988 г. написал еще одну жалобу редактору газеты Ф. Игнатьеву, отметив в ней, что «автор умалчивает о других начальниках отделений, которых в Карлаге было более 25 человек, тем самым неправомерно выпячивает фигуры Баринова и Юзипенко, подчеркивает их как бы особую роль, которой на самом деле не было» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–2).

6 декабря 1988 г. в газете «Ленинская смена» вышла еще одна статья журналиста В. Комарова об «АЛЖИРе». Бывшая узница К.И. Мальцева сказала в интервью журналисту В. Комарову: «Как относилось к нам лагерное начальство и охрана? По-разному. Юзипенко разговаривал с нами высокомерно, обращался к нам не иначе как “гражданки”. Другой начальник был помягче. Говорил нам: “девушки, женщины”. Интересовался, как нам живется, порой шел на уступки. Баринов производил впечатление незлого человека, однако и при нем лагерь “функционировал” исправно» (Комаров, 1988а: 2).

Статьи В. Комарова были «разгромными» для бывшего чекиста. Областной совет ветеранов войны и труда отстранил его от встречи с молодежью, от торжественных собраний. Его также не пригласили участвовать в праздновании 70-летия ВЛКСМ.

В 1989 г. в Малиновке был создан комплекс «Мемориал» в память о жертвах репрессий по инициативе И.И. Шарфа. Он вспоминал: «Еще одна наша инициатива – создание памятника жертвам политических репрессий. Созвали сход и общим собранием стали решать, что делать, чтобы сохранить память о женщинах, испытавших на себе действие сталинских репрессий. Решили на месте захоронения возвести курганы. Трудно было найти это место. Засекреченная информация. Здесь нам помогла семья врачей Горьковых. Особенно их сын Федор. Они подсказали» (Малиновские вехи, 2003: 78). В книге «Узницы АЛЖИРа», изданной при поддержке международного общества «Мемориал», сообщалось: «Памятник был установлен еще в 1989 г., когда во многих регионах СССР об этом и речь всерьез не шла» (Узницы «АЛЖИРа», 2003: 10). И.И. Шарф отмечал: «За это мероприятие ездил объясняться в Алматы. Ругали меня крепко. Но один крупный руководитель подбодрил: “Держись, постараюсь тебя защитить. Ты правильно поступил, справедливо, но время еще не пришло, поторопился ты”» (Малиновские вехи, 2003: 80).

Памятник представлял собой расколотую красную звезду, опоясанную колючей проволокой. По замыслу архитектора И.Н. Юрашевича, она символизировала разорванную человеческую душу. На открытии памятника бывшие узницы С.К. Таштитова, В. Майжолова-Куленова, К.И. Мальцева, А.Г. Енданова, Т.П. Афонина, М.И. Крутько, Е.Ф. Верещагина, а также дети узниц И.В. Шубрикова, И.Е. Шадрина, Е.Б. Товаровская, О.Г. Голубев, Е.Н. Корацио, Е.Н. Шафаренко, Г.С. Рачкова. Бывшие узницы «АЛЖИРа» рассказывали на митинге о жизни за колючей проволокой (Смагулов, 1989: 3). На митинге читала стихи Валентина Савельевна Шевченко – дочь узницы «АЛЖИРа» Мариам Лазаревны, приехавшая на встречу вместо матери, не дожившей до этих дней. Расколотая красная звезда стала вечным символом и историей села Малиновка.

18 октября 1989 г. М. Юзипенко пришел на встречу узниц «АЛЖИРа» в село Малиновку. В личном фонде М. Юзипенко в ГАГН сохранились его воспоминания об этой встрече, остро обсуждавшейся на страницах СМИ. Корреспондент «Ленинской смены» В. Комаров опубликовал в «Комсомольской правде» статью под названием «Пенсионер Архипелага». О М. Юзипенко в ней говорилось: «Он серый, сутулый, орудовал ложкой, не очень успешно пытался шутить. Когда Калерия Ивановна (бывшая заключенная, номер 256 097) увидела, что он (бывший начальник) кинулся к ней, отпрянула и неожиданно для себя закрыла лицо руками. Возможно, она вспомнила, как ее заставляли письменно отречься от мужа и забрали двоих маленьких детей. И он вспоминал, как “выбивал” для заключенных дополнительные пайки. Их уравнивали перед Историей, пригласив на вечер памяти, и подарив одинаковые подарки. Они пришли на встречу разными “дорогами” – узница и начальник «26-й точки» Михаил Терентьевич Юзипенко. На вечере его подчеркнуто не замечали. После той встречи М.Т. Юзипенко занемог, на него косо посматривали соседи, он получал оскорбительные письма» (Комаров, 1989: 2). М. Юзипенко

написал жалобу в Москву секретарю ЦК ВЛКСМ В.И. Мироненко на журналиста В. Комарова: «Статьи, как в “Комсомольской правде”, так и в “Ленинской смене” крайне необъективны, клеветнического характера. Работая в лагере, я не допускал никаких правонарушений к содержащимся там людям» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 70. Л. 1).

18 сентября 1990 г. в газете «Труд» было опубликовано интервью режиссера Е. Головня под заголовком «Изменницы». Она описывала М. Юзипенко таким образом: «Малограмотный человек, который хочет казаться лучше, чем есть. Он установил переписку со всеми бывшими заключенными – собирает досье на самого себя, каким он был хорошим. Он даже плачет у нас в кадре» (Изменницы, 1990: 2). После интервью М. Юзипенко написал редактору газеты «Труд» А. Потаповой, министру внутренних дел СССР В. Бакатину письмо с жалобой на Е. Головня. «Скажу только, что Головня подошла ко мне нечеловечно. Когда она в 1988 г. приезжала в г. Целиноград и производила киносьемки тех мест... Возили меня туда с собой, я старый и нездоровый человек, с трудом и с посторонней помощью поднимался по ступенькам на автобус» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 70. Л. 3). При этом он признавал, что был малограмотным, но говорил: «Однако те должности, которые занимал до Карлага и в Карлаге, зав[едующий] парткабинетом, инспектор политотдела, зам[еститель] начальника лаготделения и начальника – я им соответствовал» (ГАГА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 70. Л. 3).

Ситуации, связанные с данным актором памяти, в какой-то мере отсылают к ситуации, описанной Х. Арендт как «банальность зла» (Арендт, 2008). Речь идет о том, что действия, порождающие зло, воспринимаются как поддержание и охрана существующего порядка, как обычная работа, без осознания какой-либо ответственности. В деперсонализации личности и заключается радикальность зла тоталитаризма.

4. Заключение

Представленные материалы из региональных архивов, проанализированные воспоминания узниц «АЛЖИРА» и их надзирателей позволяют сделать вывод о женском лагере в степи как о советском эксперименте в Казахстане. «АЛЖИР» стал местом культурной травмы для Казахстана, а основанный на месте лагеря музейно-мемориальный комплекс – местом памяти о драматических событиях советского прошлого. Музей становится и инструментом памяти.

Необходимо продолжить междисциплинарные исследования по данной теме не только исходя из академических соображений, но и для того чтобы избежать в будущем разрушительное воздействия тоталитаризма во всех его проявлениях на личность и общество.

Литература

Акмолинская область, 1996 – Акмолинская область в цифрах и фактах прошлого. Справочник. Акмола: Акмолинское областное управление архивами и документацией, 1996. 38 с.

Арендт, 2008 – Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. 424 с.

ГАГА – Государственный архив города Астаны

ГАО – Государственный архив Акмолинской области

ГАЦР – Государственный архив Целиноградского района Акмолинской области

Дик, 1988 – Дик В. Карлаг. История и судьбы // Казахстанская правда. 1988. № 24.

Дик, 1990 – Дик В. Карлаг. История и судьбы. О чем не говорили: документальные рассказы и очерки. Алма-Ата: Жалын, 1990. С. 84–97.

Изменницы, 1990 – Изменницы // Труд. 1990. 18 сентября.

Каталог, 2012 – Каталог коллекций фонда музея «АЛЖИР». Астана: «АЛЖИР», 2012. 365 с.

Ким, 2011 – Ким У. Режиссер Евгения Головня: пережитое вместе горе не так унижительно // Великая эпоха. 2011. 5 ноября.

Комаров, 1988 – Комаров В. Правда АЛЖИРа // Ленинская смена. 1988. 2 июня.

Комаров, 1988а – Комарова В. Интервью // Ленинская смена. 1988. 6 декабря.

Комаров, 1989 – *Комаров В.* Пенсионер Архипелага // Ленинская смена. 1989. 29 ноября.

Кукушкина, 2002 – *Кукушкина А.Р.* Акмолинский лагерь жен «изменников родины»: история и судьбы. Караганда: Болашақ-баспа, 2002. 184 с.

Кузнецова, 2001 – *Кузнецова Е.* Карлаг по обе стороны «колючки». Сургут: Дефис, 2001. 257 с.

Нора, 1999 – Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.

Малиновские вехи, 2003 – Малиновские вехи. Сборник публикаций и воспоминаний (от АЛЖИРа до современной Малиновки). Астана: Ассоциация жертв незаконных репрессий, 2003. 82 с.

Сборник, 1993 – Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. 245 с.

Смагулова, 1989 – *Смагулова Г.* Обретение памяти // Призыв. 1989. 31 мая.

Солженицын, 1991 – *Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. В 4 т. Т. 2. М.: ИНКОМ НВ, 1991. 432 с.

Подорога, 2013 – *Подорога В.* Время после. Освенцим и ГУЛАГ. Мыслить абсолютное зло. М.: Логос, 2013. 174 с.

Степнова-Ключникова, 2003 – *Степанова-Ключникова Г.* Казахстанский АЛЖИР. Астана: Ассоциация жертв незаконных репрессий, 2003. 63 с.

Шаймуханов, 1997 – *Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Ш.* Карлаг. Караганда: Полиграфия, 1997. 175 с.

Узницы «АЛЖИРа», 2003 – Узницы «АЛЖИРа». Список женщин – заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М.: «Звенья», 2003. 568 с.

References

Akmolinskaya oblast', 1996 – Akmolinskaja oblast' v cifrah i faktah proshlogo (1996). [Akmola region in numbers and facts of the past]. Directory. Akmola: Akmola regional archives and documentation, 38 p. [in Russian]

Arendt, 2008 – *Arendt H.* (2008). Banal'nost' zla. Jehhman v Ierusalime [The banality of evil. Eichmann in Jerusalem]. Moscow: Evropa, 424 p. [in Russian]

GAGA – Gosudarstvennyj arhiv goroda Astany [State Archive of Astana].

GAO – Gosudarstvennyj arhiv Akmolinskoj oblasti [State Archive of Akmola region].

GACR – Gosudarstvennyj arhiv Celinogradskogo rajona [State Archive of the Tselinograd District].

Dik, 1988 – *Dik V.* (1988). Karlag. Istoriya i sud'by [Karlag. History and destiny] // *Kazahstanskaya pravda*, №24. [in Russian]

Dik, 1990 – *Dik V.* (1990). Karlag. Istoriya i sud'by [Karlag. History and destiny] // O chem ne govorili: Dokumenty, rasskazy i ocherki [What did not say: documentary stories and essays]. Alma-Ata: Zhalyn, pp. 84–97. [in Russian]

Izmennicy, 1990 – *Izmennicy* (1990). [Cheating women] // *Trud*, September 18. [in Russian]

Katalog, 2012 – Katalog kolekcij fonda muzeya “ALZHIR” [Catalog of the collections of the museum “ALZHIR”]. Astana: “ALZHIR”, 2012. 365 p. [in Russian]

Kim, 2011 – *Kim U.* (2011). Rezhisser Evgenija Golovnja: Perezhitoe vmeste gore ne tak unizitel'no [Producer Evgenia Golovnya: the grief experienced together is not so humiliating] // *Velikaja jepoha*, November 5. [in Russian]

Komarov, 1988 – *Komarov V.* (1988). Pravda ALZhIRa [True ALZHIR] // *Leninskaja smena*, June 2. [in Russian]

Komarov, 1988a – *Komarov V.* (1988). Interv'ju [Interview] // *Leninskaja smena*. 6 dekabrja. [in Russian]

Komarov, 1989 – *Komarov V.* (1989). Pensioner Arhipelaga [Pensioner of the Archipelago] // *Leninskaja smena*, November 29. [in Russian]

Kukushkina, 2002 – *Kukushkina A.R.* (2002). Akmolinskij lager' zhen “izmennikov rodiny”: istoriya i sud'by [Akmola camp of wives of “traitors to the motherland”: history and destinies]. Karaganda: Bolashaq-baspa. 184 p. [in Russian]

Kuznecova, 2001 – *Kuznecova E.* (2001). Karlag po obe storony “koljuchki” [Karlag on both sides of the “thorn”]. Surgut: Defis. 257 p. [in Russian]

Nora, 1999 – *Nora P.* (1999). Problematika mest pamyati [The problematics of places of memory]. // France – memory. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, pp. 17–50. [in Russian]

Malinovskie vekhi, 2003 – *Malinovskie vekhi.* Sbornik publikacij i vospominanij (ot ALZHIRa do sovremennoj Malinovki) (2003). [Malinovye milestones. Collection of publications and memoirs (from ALZHIR to modern Robin)]. Astana: Associaciya zhertv nezakonnyh repressij, 82 p. [in Russian]

Sbornik, 1993 – *Sbornik zakonodatel'nyh i normativnyh aktov o repressijah i reabilitacii zhertv politicheskijh repressij* (1993). [Collection of laws and regulations on repression and rehabilitation of victims of political repression]. Moscow: Respublika, 245 p. [in Russian]

Smagulova, 1989 – *Smagulova G.* (1989). Obretenie pamjati [Gaining memory] // *Prizyv*, May, 31. [in Russian]

Solzhenycin, 1991 – *Solzhenycin A.* (1991). Arhipelag GULAG [GULAG Archipelago]. In 4 vol. Vol. 2. Moscow: INKOM NV, 432 p. [in Russian]

Podoroga, 2013 – *Podoroga V.* (2013). Vremja posle. Osvencim i GULAG. Myslit' absoljutnoe zlo [Time after. Auschwitz and the Gulag. Think absolute evil]. Moscow: Logos, 2013. 174 p. [in Russian]

Stepnova-Klyuchnikova, 2003 – *Stepanova-Klyuchnikova G.E.* (2003) Kazahstanskij Alzhir [Kazakhstan ALZHIR]. Astana: Associaciya zhertv nezakonnyh repressij, 64 p. [in Russian]

Shajmuhanov, 1997 – *Shajmuhanov D.A., Shajmuhanova S.S.* (1997) Karlag [Karlag]. Karaganda: Poligrafija, 175 p. [in Russian]

Uznicy “ALZHIRa”, 2003 – *Uznicy “ALZhIRa”.* Spisok zhenshhin – zakljuchennyh Akmolinskogo i drugih otdelenij Karlaga [Prisoners “ALZHIR”. List of women – prisoners of Akmola and other departments of Karlag]. Moscow: “Zven'ja”, 2003. 567 p. [in Russian]

Женский лагерь в степи как советский эксперимент в Казахстане

Арайлым Сабитовна Мусагалиева^{a, *}, Роза Мадениетовна Мусабекова^a,
Улболсын Майтановна Сандыбаева^a

^a Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается феномен «женского лагеря» как советский эксперимент в Казахстане на примере лагеря «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жен изменников Родины). В официальных документах он обозначен как ИТЛ «Р-№17» Карагандинского исправительно-трудового лагеря, являющегося частью ГУЛАГА СССР. В этом лагере сидели жены интеллигенции, государственных и партийных деятелей, которые были репрессированы в годы «Большого террора» в 1937–1938 гг. В статье использованы ранее не известные региональные архивные материалы, в частности, документы Государственного архива Акмолинской области, Государственного архива города Астаны, а также районных архивов Акмолинской области. Авторами статьи были найдены материалы об одной из узниц, фамилия которой впоследствии была внесена в список узниц «Стены Памяти» при музее политических репрессий «АЛЖИР». Через воспоминания, а также интервью узниц лагеря «АЛЖИР» представляется повседневная жизнь и хозяйственный уклад лагеря, обосновывается идея его экономической целесообразности для советского государства. Акцентируется внимание на использовании профессионального опыта и знаний женщин-специалистов, их вкладе в развитие региона. Наряду с этим представлена и первая встреча бывших узниц лагеря и их детей в 1989 г., в день открытия мемориала «АЛЖИР» на месте бывшего лагеря. Особое внимание в статье уделено

*Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: arai0410@mail.ru (А.С. Мусагалиева)

воспоминаниям двух начальников лагеря, их оценке лагерной жизни, а также воспоминаниям о них узниц. Представленные акторы памяти, не являющиеся жертвами, а именно, надзиратели, демонстрируют концепт Х. Арндта «банальность зла». Сегодня «АЛЖИР» стал местом культурной травмы для Казахстана, а основанный музейно-мемориальный комплекс на месте лагеря – местом памяти о драматических событиях советского прошлого, об антигуманном советском эксперименте в степи.

Ключевые слова: «АЛЖИР», женский лагерь, узницы, Акмолинск, репрессии, женщины, архивные документы, советы.